

В какой-то мере Ломоносов занимает в русской культуре переходное место, играет роль звена, скрепляющего средневековую «книжную премудрость» (которую он прекрасно знал с детства, в том числе и старообрядческие ее варианты, и с иными сторонами которой он постоянно соприкасался в Славяно-греко-латинской академии) и секуляризованное искусство послепетровского времени, одним из создателей которого он является. В связи с этим исследование ломоносовской топики помогает увидеть, что из древнерусского культурного наследия перешло в новую литературу, как это происходило и какие трансформации претерпевали средневековые элементы, оказавшись в ином контексте.

Пожалуй, среди всех *loci communes*, используемых Ломоносовым, наиболее частотен топос «тишины». Данный топос, как показал А. М. Панченко, вообще принципиально важен для русской культуры на всем протяжении — от раннего средневековья до XX века.⁹ Но едва ли найдется другой писатель, обращавшийся к нему так часто, как Ломоносов, у которого он встречается почти в каждой оде, нередко по нескольку раз. В одних случаях топос «тишины» воплощается в предельно сжатой языковой форме — «тихих дней венец», «море нашей тишины»; в других — в более развернутой:

Чтоб род российский и соседы
В глубокой были тишине

(Ода на праздник рождения
1757),¹⁰

Велика божеством природным
Восходит выше тишиной

(Ода на торжественный праздник
тезоименитства 1759, 152)

Иногда он приобретает вид достаточно подробных описаний:

Там мир в полях и над водами,
Там вихрей нет, ни шумных бурь,
Между млечными облаками
Сияет злато и лазурь

(Ода на день брачного сочетания
1745, 101)

Пять крат под счастливой державой
Цветами красилась земля,
Стократной облеклися славой
Российски грады и поля
Стоят трофеи вознесенны,

⁹ Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ С 192—203

¹⁰ Ломоносов М. В. Избр произведения Л, 1986 С 147 (Библиотека поэта, большая серия) В дальнейшем при цитировании данного издания страницы указываются в тексте